

СООБЩЕНИЯ

О древнем поселении около Ленинакана

В 1934 г. археологической экспедицией Института истории культуры Армянской ССР было обследовано древнее поселение и могильник в районе строительства Ленинаканского мясокомбината.

Поселение состояло из отдельных, в плане четырехугольных, жилищ-полужемлянок, со сложенными из каменных глыб стенами и с деревянным перекрытием. Могильник заключал в себе разные типы погребений (ямные и „ящичные“)¹. Однако этот чрезвычайно интересный материал остался необработанным, и мы теперь не имеем понятия ни об уровне производительных возможностей поселян, ни о хронологических рамках, в промежутке которых существовало поселение, ни о технических-строительных приемах местных жителей.

Таким образом, восстановление примерной схемы жизни этого поселения затруднено, однако на основании нового материала, обнаруженного случайно в этом районе в 1939 г. и поступившего в Ленинаканский краеведческий музей, можно установить место этого поселения в ряду замечательных памятников древнейшего Закавказья как в культурно-хронологическом отношении, так и в отношении его связей с соседними культурами. Посильному освещению этих вопросов и посвящается настоящая статья.

* * *

Новый комплекс предметов из древнего поселения Ленинакана представляет собой блестящую коллекцию орудий труда и предметов вооружения, характерную, в целом, для культуры южного Закавказья в первые четыре столетия 1-го тысячелетия. Комплекс этот состоит из бронзовых наконечников стрел (инв. 283), плоских „топориков“ (инв. 276, 277) и мотыги, наконечников копий из железа и бронзы (инв. 268—371), фрагмента изогнутого ножа, пары бронзовых удил, большого медного ножа или кинжала (инв. 247), а также великолепного бронзового топорика колхидо-кобанского типа (инв. 282).

Даже из простого перечисления этих случайно обнаруженных

¹ О раскопках древнего поселения в Ленинакане было краткое сообщение в журнале „Проблемы истории докапиталистических обществ“. ГАИМК, № 9—10, 1934, стр. 166.

предметов видно, что, помимо других отраслей материального производства, здесь была развита также техника металлообработки. Замечательной находкой, документирующей местное изготовление секир закавказского типа, явилась каменная форма для отливки подобного топора (табл. 1, рис. 1, инв. 1177/27), обнаруженная при работах экспедиции 1934 г. Карта распространения этих секир, составленная А. А. Нессеном еще в 1935 г., показывает, что они были широко распространены по всему Закавказью в промежутке между Сванетией (юго-запад) и б. Нухинским уездом (юго-восток), между Ксанским ущельем (северо-запад) и районом Лагодехи (северо-восток)¹. Правда, после составления карты были сделаны новые находки секир или каменных форм для их отливки (Кармир блур, Мингечаур)², но ареал распространения их, в целом, не изменился. Характерно, что на территории северной Армении эти секиры встречаются вместе с первыми железными копьями (Акнер)³, а на территории южной Грузии (Самтавро и др.)⁴, где имеет место взаимопроисхождение восточно- и западно-грузинских бронз, совместно с этими секирами встречается и кобанская бронза.

Хронологически вполне совпадают с секирой т. н. „плоские топорики“ с боковыми выступами. Один из них был обнаружен в „каменном ящике“ у поселения в 1934 г. (Гос. ист. музей АН Арм. ССР, инв. 1177/3⁵) и двое в 1934 г. (инв. 276—277; табл. 1, рис. 2,3), причем „топорики“ №№ 1177/3 и 277 (рис. 3) настолько близки по внешним признакам, что их отливка в одной и той же форме становится несомненной. Подобные топорики в Закавказье нач. 1-го тысячелетия широко распространены, но особенно важно то обстоятельство, что в могильниках они часто встречаются вместе с бронзовыми секирами (Акнер, Арчадзор, Самтавро и др.), а в кладах (Квишари и др.) совместно с ситулами, датирующимися VIII—VI вв. до н. э.

Но если закавказские секиры вовсе не переходят на Северный Кавказ, то „топорики“ с боковыми выступами доходят порою до Кубани. Относительно их функционального назначения нужно сказать, что мнение Г. К. Ниорадзе о предназначении их для резания толстой кожи⁶ вполне обосновано и подтверждается этнографическим материалом.⁷

К этому же культурному кругу и времени принадлежат многочисленные бронзовые наконечники стрел с удлиненными усиками

¹ А. А. Нессен, К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе, Изв. ГАНМК, вып. 120, карта № 5.

² С. М. Казиев, Археологические раскопки в Мингечауре, „Материальная культура Азербайджана“, № 1, Баку, 1949, рис. 3; О некоторых типах оружия из Мингечаура, „Материальная культура Азербайджана“, № 2, Баку, 1951, табл. 11.

³ Б. Б. Пиотровский, Археология Закавказья, 1949, стр. 64.

⁴ Б. А. Куфтин, К вопросу о древнейших корнях грузинской культуры на Кавказе..., Вестник Гос. музея Грузии, XI-V, 1944.

⁵ Г. К. Ниорадзе, Археологические находки в сел. Квишари, „Советская археология“, XI, 1949, стр. 186—194.

(табл. 1, рис. 5,6), широко известные в Закавказье, бронзовые наконечники копий с листовидным лезвием (табл. 1, рис. 7, 8), а также изящное бронзовое тесло с полукруглым лезвием. По форме оно напоминает кобанские топоры, но только с перевернутым лезвием (табл. 1, рис. 4). Среди знакомых мне археологических комплексов подобных тесел нет. Приведенная выше группа предметов характерна для периода первоначального появления железа в южном Закавказье.

Отдельную группу в этой коллекции составляют предметы, относящиеся к тому периоду, когда население южного Закавказья перешло к широкому использованию железа. В эту группу входят: фрагмент изогнутого железного пожа урартского типа, со слегка утолщенной спинкой (табл. 1, рис. 11), два миниатюрных наконечника копья из железа (табл. 1, рис. 9, 10) и бронзовые удила позднего типа (таблица 1, рис. 12).

Чрезвычайный интерес представляют миниатюрные наконечники копий из железа, совершенно не отличающиеся от бронзовых той же коллекции. Лезвия их также листовидны и красиво оформлены серединным ребром. Втулка же одного из них представляет сплошную, суживающуюся к лезвию трубочку и сильно напоминает наконечники копий, изготовленные литьем. Здесь мы имеем дело с повторением бронзовых форм в железе, что было возможно только в эпоху широкого освоения железа, при высоких технических навыках. И не случайно, что аналогичные нашим наконечники были обнаружены в погребениях, относимых к VII—VI вв. до н. э. Подобного рода наконечники были обнаружены в кромлехах ущелья Хртаноц, синхронных с поздней группой могил Лалварского массива, на Севане (Гос. ист. музей АН Арм. ССР, инв. 1577), на Лалваре, при раскопках Н. Я. Марра в Ворнаке (инв. 697/2), в Алавердском (инв. 478) и Ноемберянском районах, в Качаганском кургане близ Алаверды (инв. 1892/21) и других местах¹. Любопытно, что в ворнакском могильнике и в Качаганском кургане, где по сути представлена культура двух начальных периодов раннего железа, как это наблюдается и в нашем комплексе, миниатюрные наконечники копий встречаются совместно с позднескифскими стрелками с короткой втулкой и опущенными усиками (V в. до н. э.).

По всей вероятности, развитие железных копий пошло по линии подражания таковым в бронзе.

Что касается бронзовых удил, представленных на рис. 12 (табл. 1), то они почти что совпадают с комплексами указанных наконечников копий. Так, например, в могильном инвентаре из селения Гюлакарак (Степанаванский район) подобные удила находятся наряду с шейными гривнами (инв. 1299, 1302, 1298), браслетами, украшенными на концах змеиными головками (инв. 1300а), неорнаментированными бронзовыми поясами (инв. 1296 а, б, с), и другими предметами,

¹ Результаты всех этих раскопок не опубликованы.

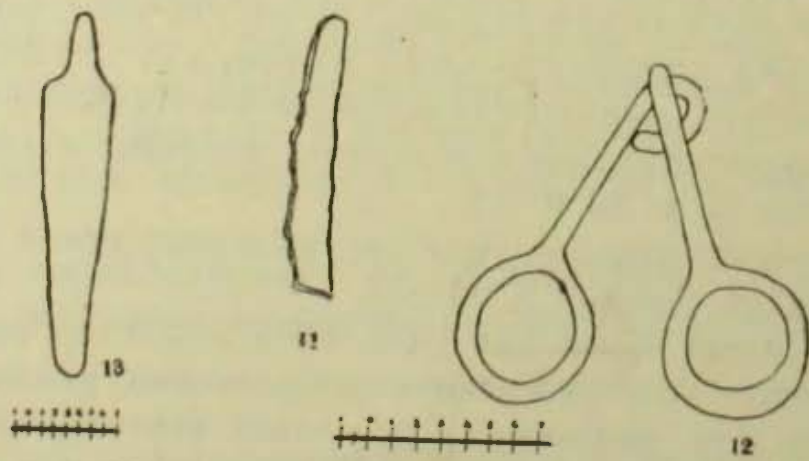
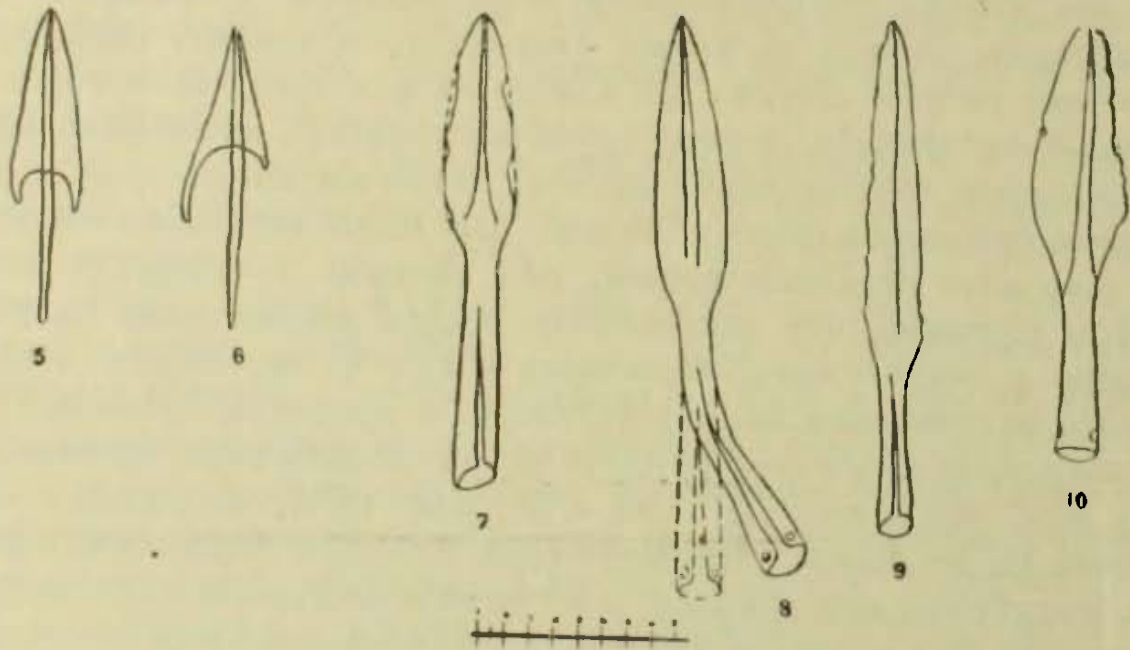
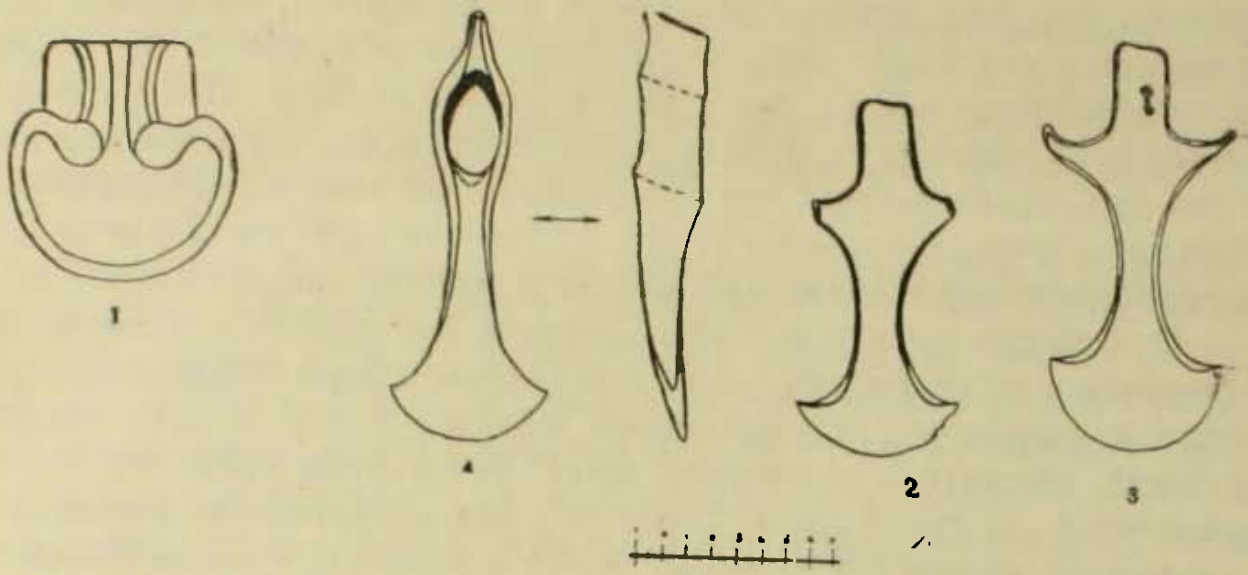

Табл. 1.

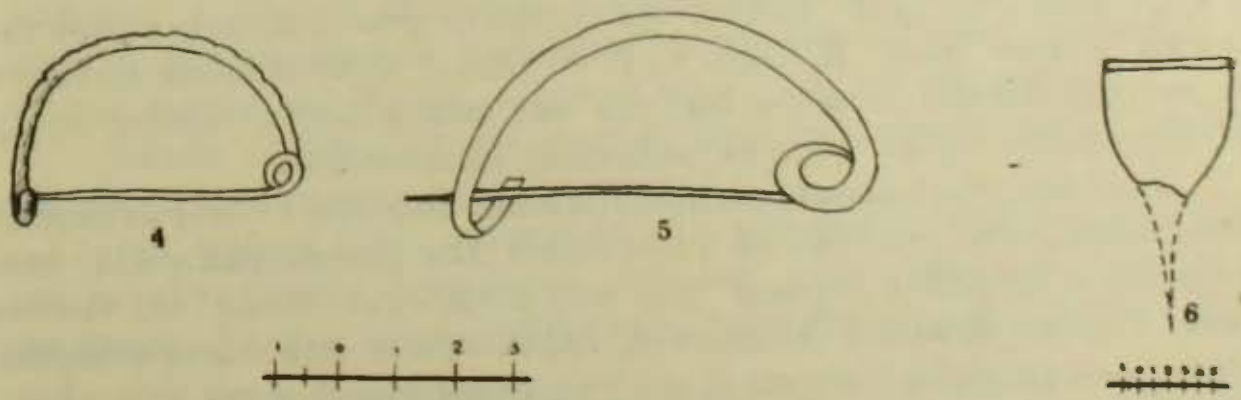
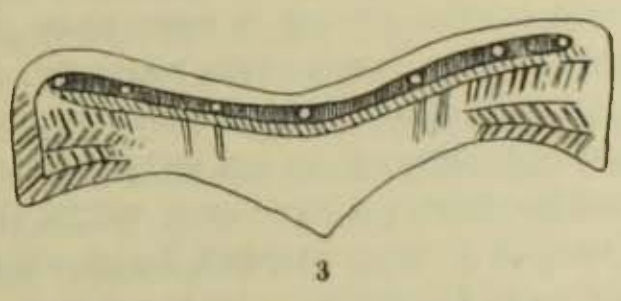
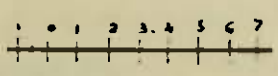
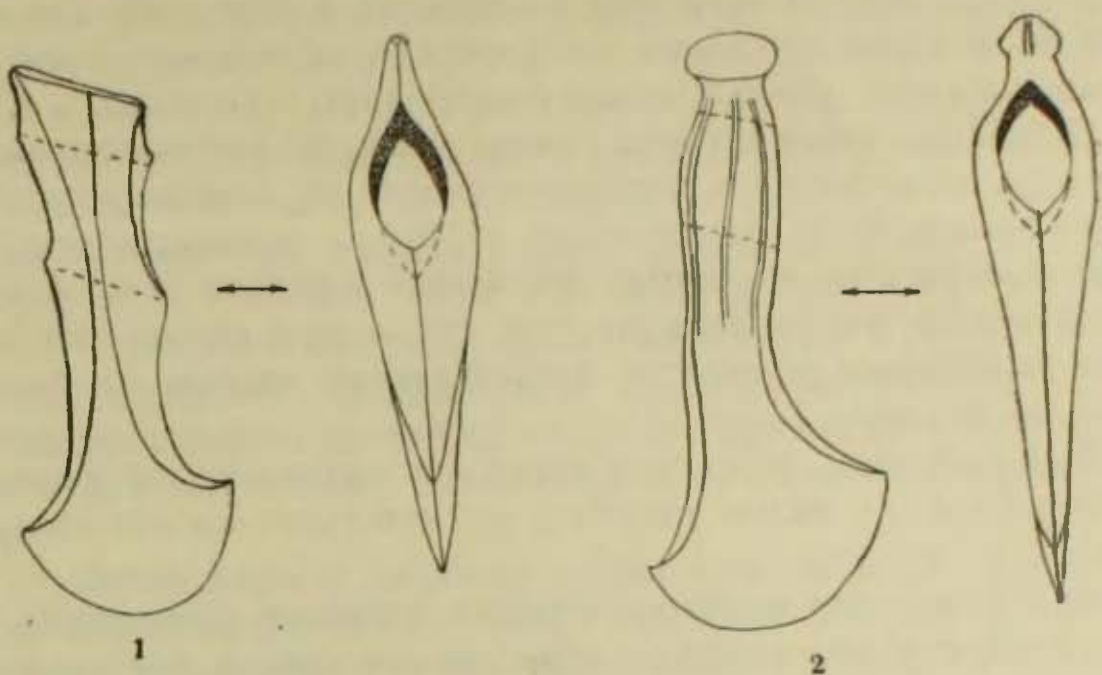

Табл. 2.

характерными для позднеурартского периода. К сожалению, из публикации Ж. Моргана не совсем ясно в какой обстановке были обнаружены подобные удила в шести погребениях в Садахло.

Несколько позднее точно такие удила, но изготовленные уже из железа, встречаются в комплексе вещей из Ленинанканского могильника (погр. № 4), раскопанного в 1931 г. археологической экспедицией Комитета по охране древностей Армении. Этот комплекс представляется нам уникальным, так как в нем сочетаются совершенно аналогичные предметы, изготовленные частью из бронзы и частью из железа¹.

Таким образом, указанная маленькая группа вещей определенно отличается от более старшей по культурно-хронологическому облику.

Загадочным для нашего комплекса является совершенно плоский медный нож или кинжал с обрубленным концом, представленный на рис. 13 (табл. I). В опубликованных закавказских материалах из могильников и поселений раннего железа подобные предметы вовсе не встречаются. Единственную аналогию этому кинжалу мы находим среди вещей, раскопанных Н. И. Веселовским в 1898 г. в б. Кубанской области. Наряду с этим ножом в известном двускатном долмене ст. Новосвободной были обнаружены золотые, серебряные, хрустальные и сердоликовые украшения, орудия труда и другие предметы, изготовленные исключительно из меди². Памятники этой культуры составляют целую серию в западной части Предкавказья и датируются большей частью исследователями 3-м или концом и 3-го и нач. 2-го тысячелетия до н. э. Вероятно в дальнейшем с большей обоснованностью можно будет отнести и наш нож к этому раннему времени.

* * *

Совершенно уникальным для территории Армянской ССР является последний предмет нашего комплекса. Это колхидо-кобанский топорик II типа (табл. II, рис. 1), т. е. типа с клиновидной молоточной частью. Боевое поле и вообще вся поверхность топора не орнаментированы, грани обушка рельефно окантованы.

Даже без учета ареала распространения подобных топоров определенно видно, что таковые не характерны для рассматриваемой нами культуры в пределах первых трех или четырех столетий 1-го тысячелетия. Однако находки предметов, характерных для более северных и западных районов Кавказа и хорошо сочетающихся по культуре с нашим топориком, составляют в Армянской ССР маленькую серию и позволяют нам заключить, что описанный выше топорик не является все же случайным. Второй топор, колхидо-кобанского I типа (табл. II, рис. 2), был обнаружен в феврале 1952 г. во время земля-

¹ Материалы из раскопок Ленинанканского (1931) и Гюлакаракского могильников не опубликованы.

² Отчеты Археологической комиссии за 1898 г., табл. II, 24.

ных работ в сел. Паракар, как раз напротив Кармир блура, по правую сторону реки Раздан¹. Топор этот имеет обушок со слегка вышуклой молоточной частью и расширенное в одну нижнюю сторону лезвие, так что передняя его часть составляет почти прямую линию.

Топоры описанных выше типов, относящихся к первым векам первого тысячелетия, широко распространены на территории Западной Грузии. В большом числе они представлены и на центральном Кавказе, «...значительно сокращаясь в количестве в более восточных и западных районах». По мнению А. А. Иессена, основной очаг горнометаллургического производства кобано-колхидской бронзы находился в бассейне Чороха, а второстепенные очаги—в Лечхуме и др. местах².

Особенно близкие аналогии нашим топорикам мы видим в кладах на пространстве между Сочи-Гудаутской линией (северо-западная граница сплошного распространения этой бронзы) и Мерсом (юго-запад) б. Карсской области. Так, топор ленинканской коллекции (II тип) особенно близко напоминает опубликованные А. А. Иессеном топоры из Сочинского музея и Пицундского клада³. Несколько подобных топоров (правда, часто орнаментированных) было опубликовано А. Л. Лукиным, из Бзыбской Абхазии⁴ и П. С. Уваровой, из Кобани⁵. Топоры I типа (Паракар) сопровождают их, т. е. встречаются в тех же местах. К югу и юго-востоку они встречаются в кладах центрально-южного Закавказья (Цагвери, Квемо-Сасирети, Ахалкалаки, Мехчис-цихе и др.), где они сочетаются с секирами и «плоскими топориками» закавказского типа. В этом отношении особенно близко напоминает ленинканский комплекс клад, обнаруженный в 1896 г. в Мехчис-цихе (б. Карсская обл.)⁶.

Наряду с западно-закавказскими мотыгами здесь мы видим топоры первого и второго типов, соответствующие приведенным нами топорам, с другой стороны—секиры восточного типа, какие отливались в Ленинканском поселении, «плоский топорик», довольно близкий к нашим по форме, а также много других предметов.

Таким образом, наши топоры являются определенно привозными из районов западного Закавказья.

Но, кроме того, в настоящее время можно наметить маленькую, но четкую группу бронзовых изделий, уводящих нас еще дальше на север. К этой группе относятся дугообразно-одночленные фибулы

¹ Этот топор хранится в Гос. ист. музее АН Армянской ССР.

² А. А. Иессен, Из истории древнейшей металлургии Кавказа, 1935, стр. 128—129.

³ А. А. Иессен, Прикубанский очаг металлургии, «Материалы по археологии СССР», № 23, стр. 80—81.

⁴ А. Л. Лукин, Материалы по археологии Бзыбской Абхазии, рис. 3—5 и табл. III.

⁵ П. С. Уварова, Могильники Северного Кавказа, МАК, VIII, табл. IV, 4; табл. VI, 1; табл. VIII, 2; рис. 12.

⁶ Б. А. Куфтин, К вопросу о древнейших корнях грузинской культуры.

из Лалвара¹ (табл. II, рис. 4) и Бджни (инв. 319/8; табл. II, рис. 5), булавка кобанского типа из Тазагюха (табл. II, рис. 6), миниатюрная булавочка такого типа и поясная пряжка² (табл. II, рис. 3), обнаруженная Ж. Морганом в могильнике Ахталы. Перечисленные предметы являются типичными для кобанской (сев. Осетия) бронзы.

Опубликованная Ж. Морганом фибула с правильной дугой, украшенной насечками, находит свои точные соответствия среди многочисленных одночленных кобанских фибул, изданных П. С. Уваровой (МАК, VIII, табл. XXX, рис. 2; табл. XXXI, рис. 6, 8). Точные свои соответствия имеет здесь и бджнийская, несколько сплюснутая неорнаментированная фибула (МАК, VIII, табл. XXXXI, рис. 5; табл. XXXII, рис. 1).

То же самое можно сказать в отношении кобанской булавки из Тазагюха (сравни МАК, VIII, табл. XXXVII, рис. 1, 2; табл. XXVIII, рис. 1, 2).

Что касается поясной пряжки, то, по описанию Ж. Моргана, она была обнаружена в одном ахталинском погребении, принадлежащем, по его же классификации, к самой поздней группе погребений Лалварского массива. Пряжка эта принадлежит к той группе кобанских пластинчатых блях, которые посередине одной из длинных сторон имеют крючок и дырочки вдоль другой. Поверхность ее орнаментирована елочкой.

Серия этих блях, по мнению О. А. Артамоновой-Полтавцевой является "...конечным этапом развития типичной формы кобанских поясных пряжек"³. Это справедливое замечание подтверждается как раз находкой моргановской пряжки в погребении, относящемся к VII—VI вв. до н. э. Среди поясных пряжек указанного типа, изданных П. С. Уваровой, совершенно аналогична с нашей пряжка с украшенной елочным орнаментом поверхностью (МАК, VIII, табл. XIV, 5).

* * *

Суммируя изложенное, мы можем заключить, что рассмотренный нами комплекс характеризует, в основном, материальную культуру южного Закавказья эпохи раннего железа. При этом самая поздняя группа вещественных памятников его относится к эпохе широкого освоения железа (VII—VI вв. до н. э.), когда в материальном производстве южно-закавказских аборигенов началась массовая замена бронзовых изделий (оружия и орудий труда) железными, предопределившая серьезные сдвиги в хозяйственной жизни страны.

Самая же многочисленная группа изделий этого комплекса от-

¹ Ж. Морган, *Mission Scientifique au Caucase*, I, стр. 116, рис. 85.

² Там же, стр. 115, рис. 83.

³ О. А. Артамонова-Полтавцева, *Культура северо-восточного Кавказа в скифский период*, "Советская археология", XIV, 1950, стр. 85.

носится к периоду поздней бронзы и первоначального появления железа (X—VIII вв. до н. э.), когда производственно-культурный уровень отдельных территориально-замкнутых очагов начал нивелироваться.

При отсутствии фактического материала значительно труднее решить нижнюю хронологическую границу поселения. Исследователи этого поселения явно ошибочно датировали нижний его слой неолитическим временем, не имея на это никакого основания. У нас же под рукой имеется только один предмет (медный нож), относящийся (предположительно) ко времени позднего энеолита и ранней бронзы (конец 3-го и начало 2-го тысячелетия до н. э.) по аналогии с вещественными памятниками из Северного Кавказа.

Несомненно, с накоплением фактического материала можно будет уточнить эту датировку.

Таким образом, поселение существовало на протяжении долгого времени и будущие исследователи его несомненно должны натолкнутся здесь на памятники разного культурного облика и времени.

Совершенные и несколько стандартные по форме изделия этого комплекса, сделанные как из бронзы, так и из железа, указывают не только на высокое развитие металлообработки в эпоху раннего железа, но и на некоторую специализацию разных отраслей производства. При этом местное производство бронзовых изделий хорошо документируется находкой каменной формы для отливки секир закавказского типа.

При будущих работах непременно будут обнаружены и другие каменные формы, как на это указывают совершенно одинаковые формы некоторых бронзовых изделий („плоские топорики“ и др.).

С другой стороны, часть приведенного материала указывает как раз на довольно широкие связи южного Закавказья с племенами, жившими в разных частях южного и северного Кавказа. Именно такими межплеменными связями можно объяснить наличие приведенной нами немногочисленной группы предметов, совершенно не характерных для культуры южного Закавказья в первые четыре столетия 1-го тысячелетия до н. э.

Указанная группа предметов совершенно отчетливо показывает культурные связи с районами Закавказья и впервые дает возможность определить подобные же связи с западно-закавказской культурой (колхидо-кобанские топорики), а также с культурой северной Осетии (кобанские одночленные фибулы, булавка, поясная пряжка).

Важным пунктом скрещивания разных трактов, связывавших Малый Кавказ с Большим, являлась „страна“ Эриахи урартских надписей, в которую входило и наше поселение. Отсюда в долину Куры вела дорога вверх по течению р. Ахурян, через нынешние Ахалкалаки и Ахалцах, другой же главный путь шел на восток, в долину р.

Акстафа и через западный Азербайджан в ту же долину Куры¹. В этом убеждает нас не только то обстоятельство, что они были естественными путями, связывавшими разные части Закавказья с древнейших времен, но и то обстоятельство, что на эти пути указывают именно находки западно-закавказских и северо-кавказских изделий в центрально-южном Закавказье и находки восточно-закавказских изделий в южном Закавказье. Несомненно, по берегу Черного моря эти изделия попадали на юг и юго-запад (до Анатолии) морским путем, но этот путь не годился для распространения колхидско-кобанской бронзы на юго-восток. Для этого существовала, конечно, сухопутная дорога.

Если в этой связи мы рассмотрим места находок колхидско-кобанских топоров и других изделий в пространстве между реками Кура и Аракс с северо-запада на юго-восток, то будем иметь следующие пункты: 1. Цагвери 2. Квемо-Сасирети (через Ахалцых), 3. Ахалкалаки, 4. Ленинакан, 5. Ереван (Паракар). Эта линия соответствует именно дороге, ведущей в долину Куры (вверх по течению р. Ахурян) и в долину Аракса (вниз по течению р. Ахурян). Сомнение в случайности такого месторасположения находок отпадает, если вспомним, что в приведенных пунктах мы имеем дело с типичными комплексами смешанного типа, где определенным изделиям западного происхождения соответствуют изделия восточного типа. Вероятно в дальнейшем, с большей обоснованностью, можно будет считать эти пункты „дорожными вехами“. Точно так же можно будет установить вехи для восточного пути, ведущего через западный Азербайджан в ту же долину р. Куры.

Таким образом, на основании приведенного материала для начальных веков I-го тысячелетия до н. э. устанавливается не только высокое развитие металлообработки с некоторой специализацией труда, но и картина довольно устойчивых межплеменных связей. Если к этому добавим и данные урартских клинообразных надписей, свидетельствующие богатую скотоводческо-земледельческую культуру в северной Армении, то будем иметь довольно разностороннюю картину хозяйственной жизни обитавших здесь племен, объединенных уже в мощные союзы племен, упорно боровшихся против урартского завоевания на основе высокого развития главных отраслей хозяйства². Рассмотрение поздней группы нашего комплекса в этом аспекте показывает, что ленинаканское поселение продолжало существовать и после урартов, вплоть до конца VI в. до н. э., несмотря на то,

¹ Из Ленинакана через Карс также можно было попасть в бассейн Чороха, в металлургический очаг „колхидской“ бронзы, но этот путь мы не рассматриваем, имея в виду значительную общность культуры северной Армении, центральной и восточной Грузии, с одной стороны, и, с другой стороны — обособленность западно-грузинской культуры и неизученность прилегающих к этому центру районов за рубежами СССР.

² В. Б. Piotrovский, История и культура Урарту, Ереван, 1944, стр. 15—85.

что оно, наряду с другими поселениями, подвергалось жестокому разрушению и грабежу. Мнение исследователей об окончательном прекращении жизни в этом пункте в связи с урартскими нашествиями VIII в. ошибочно и не подтверждается археологическим материалом.

В целом, нужно отметить, что приведенное выше заполняет лишь частицу того белого пятна, которое существует в деле изучения древних поселений в Армянской ССР и, в частности, нашего поселения. Новые раскопочные работы на этом поселении вскроют много неизвестного и интересного.

А. А. МАРТИРОСЯН